

Я

1

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облана
застыли
башен
кривые выи —
иду
один рыдать,
что перекрестном
распяты
городовые.

2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых даленим пляжем
идет луна —
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.
Венчается автомобильным гаражем,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестящими.
А я?

Я

1

On the pavement
of my trampled soul
the steps of madmen
weave the prints of rude crude words.
Where cities
hang
and in the noose of cloud
the towers'
crooked spires
congeal—
I go
alone to weep
that crossroads
crucify
policemen.

2

A FEW WORDS ABOUT MY WIFE

Along far beaches of uncharted seas
the moon—
my wife—goes driving.
She's redhaired, my beloved.
Behind her turnout,
a variegated throng of constellations scurries,
screaming.
She weds with a garage,
kisses newspaper kiosks,
while a fluttering-eyed page tinsels her train, the
Milky Way.
And I?

Несло же, палимому, бровей коромысло
 из глаз колодцев студёные ведра.
 В шеллах озерных ты висла,
 янтарной скрипкой пели бедра?
 В края, где злоба крыш,
 не кинешь блестящей лесни.
 В бульварах я тону, тоской песков оваян:
 ведь это ж дочь твоя —
 моя песня
 в чулке ажурном
 у кофеен!

3

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.
 А я гуляю в пестрых павах,
 вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.
 Заиграет вечер на гобоях ржавых,
 подхожу к окошку,
 веря,
 что увижу опять
 севшую
 на дом
 тучу.
 А у мамы больной
 пробегают народа шорохи
 от кровати до угла пустого.
 Мама знает —
 это мысли сумасшедшей ворохи
 вылезают из-за крыш завода Шустова.
 И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой,
 окровавит гаснущая рама,

To me, ablaze, the yoke of brows
 has lugged fresh pails from deep-eyed wells.
 In lacustrine silks you hung,
 an amber fiddle chanting in your thighs?
 You threw no baited line
 into the regions of malignant roofs.
 In sands' nostalgia bathed, I drown in boulevards;
 for that's your daughter—
 my song
 in mesh of stocking gliding
 by the coffee houses!

3

A FEW WORDS ABOUT MY MAMMA

I have a mamma on blue cornflower wallpaper.
 But I pace about in peahen colors,
 torturing shaggy camomiles with my measuring stride.
 When the evening sounds its rusty oboes,
 I walk to the window,
 believing
 I shall see again
 the cloud
 reposing
 upon the house.
 But mamma's sick in bed,
 and from it
 a rustling of people scurries to an empty corner.
 Mamma's aware—
 this is the helter-skelter of mad thoughts
 crawling from behind the roofs of the Shustov factory.²
 And when the dimming window-frame
 bloodies my forehead, crowned with a felt hat,

я скажу,
 раздвинув басом ветра вой:
 «Мама.
 Если станет жалко мне
 вазы вашей муки,
 сбитой каблунами облачного танца, —
 кто же изласнает золотые руки,
 вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»

4

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

Я люблю смотреть, как умирают дети.
 Вы прибою смеха мглистый вал заметили
 за тоски хоботом?
 А я —
 в читальне улиц —
 так часто перелистывал гроба том.
 Полночь
 промокшими пальцами щупала
 меня
 и забитый забор,
 и с каплями ливня на лысине купола
 снакал сумасшедший собор.
 Я вижу, Христос из иконы бежал,
 хитона оветренный край
 целовала, плача, слякоть.
 Кричу кирпичу,
 слов иступленных вонзаю кинжал
 в неба распухшего мякоть:
 «Солнце!
 Отец мой!

then I shall speak out,
 pushing apart with my bass voice the wind's howl:
 "Mamma.
 If I should feel sorry
 for the vase of your torment,
 knocked down by the heels of the cloud dance—
 who then would fondle the golden hands,
 imploringly twisted on the signboard by the shop-
 windows of Avanzo?"⁸

4

A FEW WORDS ABOUT MYSELF

I love to watch children dying.
 Do you note, behind protruding nostalgia,
 the shadowy billow of laughter's surf?
 But I—
 in the reading room of the streets—
 have leafed so often through the volume of the coffin.
 Midnight
 with sodden hands has fingered
 me
 and the battered paling,
 and the crazy cathedral galloped
 in drops of downpour upon the cupola's bald pate.
 I have seen Christ escape from an icon,
 and the slush tearfully kiss
 the wind-swept fringe of his tunic.
 At bricks I bawl,
 thrusting the dagger of desperate words
 into the swollen pulp of the sky:
 "Sun!
 Father mine!

Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою
дольней.

Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я_одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»
(1913)

If at least *thou* wouldst have mercy and stop torment-
ing me!

For my blood thou spilled gushes down this nether
road.

That is my soul yonder
in tatters of torn cloud
against a burnt-out sky
upon the rusted cross of the belfry!
Time!

You lame icon-painter,
will you at least daub my countenance
and frame it as a freak of this age!
I am as lonely as the only eye
of a man on his way to the blind!"
(1913)

**СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ,
ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР**

Четыре.
Тяжелые, как удар.
«Несарево несарю — богу богово».
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
как Великий океан, —
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
таную, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя —

**TO HIS BELOVED SELF, THE AUTHOR
DEDICATES THESE LINES¹**

Four words,
heavy as a blow:
"... unto Caesar . . . unto god . . ."
But where can a man
like me
bury his head?
Where is there shelter for me?

If I were
as small
as the Great Ocean,
I'd tiptoe on the waves
and woo the moon like the tide.
Where shall I find a beloved,
a beloved like me?
She would be too big for the tiny skyl

Oh, to be poor!
Like a multimillionaire!
What's money to the soul?
In it dwells an insatiable thief.
The gold of all the Californias
will never satisfy the rapacious horde of my lusts.

Oh, to be tongued-tied
like Dante
or Petrarch!
I'd kindle my soul for one love alone!
In verse I'd command her to burn to ash!
And if my words
and my love

триумфальная арка:
пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.

О, если б был я
тихий,
как гром, —
ныл бы,
дрождю обьял бы земли одряхлевший скит.
Я
если всей его мощью
выреву голос огромный —
кометы заломят горящие руки,
бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи —
о, если б был я
тусклый,
как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночй,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачأت —
такой большой
и такой ненужный?
(1916)

were a triumphal arch,
then grandly
all the heroines of love through the ages
would pass through it, leaving no trace.

Oh, were I
as quiet
as thunder
then I would whine
and fold earth's aged hermitage in my shuddering
embrace.

If,
to its full power,
I used my vast voice,
the comets would wring their burning hands
and plunge headlong in anguish.

With my eyes' rays I'd gnaw the night—
if I were, oh,
as dull
as the sun!
Why should I want
to feed with my radiance
the earth's lean lap!

I shall go by,
dragging my burden of love.
In what delirious
and ailing
night,
was I sired by Goliaths—
I, so large,
so unwanted?
(1916)